

МХАТ

К. С. Станиславский

В галактике британских актеров есть две звезды, они занимают особое место: они не просто сияют, но согревают людей.

Звезды эти — Луис Кэссон и леди Сибил Торндайк, ему 93, ей 86 лет. 60 лет супружеской жизни, 68 беззаветного служения искусству у него, 65 — у нее. Я привел точные цифры, но они вводят в заблуждение. Луис Кэссон и леди Сибил никогда не будут стариками. У него слуховой аппарат, это верно, но хорошо, если бы все так слушали людей, как это умеет делать он. Ее подводит спина, она не может долго стоять, но попроси ее, эта маленькая хрупкая женщина кинется вам на помощь.

Они ни разу в жизни не брали

Бесстрашие

Гражданские, этические и эстетические принципы, утвержденные К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко в Художественном театре, стали как бы «моральным кодексом» русского театра.

Создатели Художественного театра были мудры и терпеливы, но прежде всего мужественны и бесстрашны. Бесстрашие было в смелой ломке привычных условностей и традиций, в создании новаторского репертуара, в постановке провалившейся на сцене Александринского театра «Чайки», в сражениях с цензурой за революционные пьесы Горького, в железном подчинении больших талантов общему ансамблю, в бесчисленных экспериментах, поисках и пробах.

Бесстрашием было решение создать

«систему» театрального творчества в то время, когда еще так сильна была власть актерского «натур», его стихийности и бесконтрольности. Но самым главным было то, что Художественный театр был бесстрашен в своем приближении к жизни, в глубине ее познания и воссоздания на сцене.

Станиславский одинаково боролся против бескрылого натурализма и против утешающей и развлекающей лжи в театре. Он писал: «...Излишние подражания действительности могут повредить сценическому впечатлению.

Еще хуже в искусстве — это боязнь действительности. Она убивает все живое и дает мертвое впечатление. Такое впечатление недостойно искусства, оно уместно в балагане.

Люди с узкими творческими способностями очень склонны ограничиваться

такими впечатлениями. В свое оправдание они ложно истолковывают законы искусства и тем ограничивают свободу творчества и впечатления.

Следует остерегаться педантизма в нашем искусстве. Нельзя уменьшать границы творчества до мешанной узости или банальной сентиментальности. Искусство шире и смелее, чем думают педанты».

Требование правды было суровым и непримиримым законом во всех поисках Станиславского. Немирович-Данченко называл Художественный театр театром мужественной простоты и правды.

Художественный театр всегда исповедовал и утверждал принципы сценического реализма. Художественный театр, его великие создатели учат всех нас, деятелей сцены и искусства, бесстрашию и мужеству в эксперименте, в поиске, в стремлении к правде.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,

главный режиссер Театра имени Станиславского.

ЗВЕЗДЫ ИЗ ЧЕЛСИ

отпуска, но не знают усталости, они полны веселого задора и продолжают с увлечением работать. Всякий раз, когда я попадаю в их тесную, забитую книгами квартиру в лондонском Челси, я ухожу от них счастливым.

Зачем я все это рассказываю? Что бы вы поняли, как я обрадовался, когда они, мои первые лондонские друзья, позвонили на днях и попросили заехать, чтобы побеседовать о Станиславском МХАТе, о наших театрах. Еще раньше я говорил им, что советским читателям было бы интересно узнать, что они обо всем этом думают.

Луис Кэссон: Когда я впервые узнал о МХАТе и Станиславском? Сейчас уже и не припомню. Знаю, что это было где-то в начале века, стало быть вскоре после рождения великого театра. Чуть позднее к вам пришли пьесы Чехова. Они нас очаровали своей поэтичностью и ошеломили силой реализма. В 1935 году мне посчастливилось побывать в Советском Союзе, поехать по разным городам, посмотреть на ваших людей. Попав в Москву, я, разумеется, сразу же пошел в храм — МХАТ был им для нас и остается. Меня потряс не только гений Станиславского, но и изумительная техника актерской игры. Это была революция в театре; в первый момент я почувствовал смутение, я не был готов к такому.

Леди Сибил: Да, Станиславский открыл перед актерским мастерством новые горизонты. На сцену пришла

новая жизнь. Помню, какой ажиотаж поднялся в наших театральных кругах, когда перед войной в Англии впервые появилась книга «Работа актера над собой». Мы буквально вырывали ее друг у друга из рук. Книга стала для нас библией, МХАТ — академией. Когда десять лет назад МХАТ впервые приехал в Англию, мы едва не умерли от счастья.

Какой спектакль мне больше всего понравился? Все спектакли понравились. Они покорили меня необычайной глубиной, каким-то чистотой мхатовским изяществом.

Довелось ли мне играть в пьесах из репертуара МХАТа? Четыре года назад мы с Лоуренсом Оливье, которого я знаю с девятилетнего возраста, играли в «Дяде Ване». Мне за мою жизнь довелось сыграть, наверное, не меньше чем в семистах различных пьесах. Думаю, что эта — одна из самых интересных.

Луис Кэссон: Еще одна вещь, поразившая меня, когда тридцать с лишним лет назад я был в Москве на спектаклях МХАТ. Зал не просто ломился от зрителей, у нас тоже это случается, его заполнили рабочие, крестьяне, студенты, солдаты. Такого в Англии не бывает. И боюсь, что мне не дожить до счастливого дня, когда бы я смог это увидеть. Кроме МХАТ,

я был и в других театрах. Кажется, в Сталинграде я смотрел в каком-то самодеятельном театре «Леди Макбет Мценского уезда». Это был прекрасный спектакль. Но я глядел не столько на сцену, сколько в зрительный зал. Невозможно было оторваться от этих одухотворенных лиц, этих счастливых людей, прильнувших к святому роднику подлинного искусства.

Леди Сибил: Да, ты прав. Играть не для снобов, элиты, а для народа — это ли не высшая награда актеру? Мы откровенно завидуем вашему театру. У нас ведь только Национальный театр и Королевский шекспировский театр могут с ними сравниться. Остальные — это чисто коммерческие предприятия часто в руках холодных, бездушных дельцов. Им абсолютно все равно, что ставить, их ничего не интересует, кроме одного — денег. Как это глупо, зрительно. Могли ли предстать себе великие греки, Шекспир, Ибсен, Чехов, что такое будет в наше время? Так что, поймите нас правильно, когда мы говорим, то завидуем вашему театру, МХАТу. От всего сердца поздравляем мхатовцев с юбилеем. Это и наш праздник, потому что МХАТ, Станиславский, Чехов, Горький принадлежат всем, кто любит красоту, правду, жизнь.

В. КОБЫШ,

соб. корр. «Известий».

ЛОНДОН, 19 декабря. (По телефону).

Кэссон, 1968, 22 сентября, в 52